

Он был одинок, горд и холоден, казалось, ничто на свете не способно тронуть его хотя бы на йоту.

Это вполне соответствовало сложившемуся у Гу Цзэ образу И Яньци — трудоголика, доведшего самодисциплину и эгоцентризм до абсолюта.

И вот этот самый человек полчаса назад прилюдно облил кого-то красным вином лишь за то, что слышал сплетни о себе.

С чего бы это?

Гу Цзэ неотрывно смотрел на И Яньци и одновременно размышлял об этом, как вдруг его озарила догадка. Он вспомнил то неразлучное с И Яньци черное сандаловое чёточное ожерелье, служившее тому чем-то вроде фирменного знака подлинности.

Гу Цзэ уже позабыл, откуда взялись эти чётки, но помнил, что собеседник действительно носил их из года в год.

Старые привычки дороги, — догадался Гу Цзэ. — Почти все его вещи служат ему годами.

Значит, меня тоже можно причислить к разряду «старого».

Гу Цзэ потёр подбородок, не сводя с него глаз.

К сегодняшнему дню он наконец-то прочувствовал это во всей полноте.

И Яньци — его ледяной друг детства и заклятый враг — судя по всему, дорожил им гораздо сильнее, чем он мог вообразить.

.

Слышал от тётушки, что ты разбил ту стеклянную картину.

Солнечный свет проникал сквозь панорамные окна в прибрежную студию, освещая юношу, который склонился над уборкой художественных принадлежностей.

Гу Цзэ был одет очень просто: в повседневную толстовку и синие джинсы, а поверх них надет защитный фартук. Волосы не были зафиксированы лаком, и мягкая чёлка спадала на лоб. В таком наряде его вполне можно было принять за первокурсника лет восемнадцати.

С чего это моя мама всё тебе выкладывает?

Он стоял спиной к Чжао Личуаню и не заметил, как улыбка на лице последнего мгновенно застыла.

Что такое, мне и послушать нельзя? — Чжао Личуань опустил руку на плечо Гу Цзэ, и в его голосе прозвучали игривые нотки.

Да нет, — Гу Цзэ не прекращал возиться с кистями. — Просто жалуюсь.

Я думал, раз ты разбил картину, то больше не вернешься в прибрежную студию. Не ожидал, что, когда я спросил сегодня, где ты, окажется, что здесь.

Мастерства много не бывает, я столько времени отдал рисованию и не хочу просто так всё бросать. Впредь буду писать не только портреты, попробую побольше разных стилей.

Чжао Личуань окинул взглядом студию и с удивлением обнаружил, что здесь действительно не осталось ни одного портрета Цинь Ся, из-за чего вмиг растерялся, не понимая, радоваться ему или огорчаться.

Я всё думал, стоит ли тебя спрашивать... Что-то случилось? Почему ты вдруг так резко порвал с ним?

Под словом «он», разумеется, подразумевался Цинь Ся.

Гу Цзэ аккуратно сложил кисти, ничуть не удивившись тому, что Чжао Личуань завел об этом речь.

Да ничего особенного, просто вдруг осознал, что должен больше ценить тех, кто любит меня.

Произнеся это, он скосил глаза на Чжао Личуаня, и в его взгляде таилась едва заметная мягкая улыбка.

Всего один взгляд заставил спину Чжао Личуаня покрыться мурашками, словно кто-то заглянул в сокровенные тайны его души. Это одновременно пугало, вызывало жгучее волнение и предвкушение, отчего сердце пустилось вскачь.

Как назло, в этот момент порыв морского бриза с солоноватым привкусом распахнул приоткрытое окно, издав тихий скрип. Услышав звук, Гу Цзэ повернул голову и отвёл взгляд.

Чжао Личуань слегка сжал кулаки, испытывая досадное смущение. Он ненавидел этот бесчувственный ветер, ненавидел себя за то, что забыл закрыть окно, и ненавидел того, кто недоговаривал всё до конца.

Кто тот человек, что любит тебя? — он всё же не удержался от вопроса.

Гу Цзэ сохранял невозмутимое выражение лица и ответил так, будто это само собой разумеющееся:

Мои папа и мама, кто же еще. Чувствую себя перед ними жутко виноватым, больше нельзя валять дураку, пора заняться делом.

Ох, кстати, ты говорил, что хотел о чём-то поговорить со мной с глазу на глаз, что за дело?

Сжатые пальцы Чжао Личуаня медленно разжались, он выровнял дыхание и произвел:

Насчет причала, который ты собираешься делить на торгах вместе с генеральным директором И.

Что с ним не так?

Ты знаешь, куда генеральный директор И отправился в последние два дня?

В командировку в соседний город, у него есть и другие проекты, занятой человек, — Гу Цзэ покачал головой. — А что, ты его ищешь?

Он сам тебе сказал?

Да. — Гу Цзэ уловил странные нотки в его голосе, отложил кисть и повернулся к нему.

Возможно, он соврал тебе. Мне тут передали, что два дня назад он улетел в Лондон. Сам знаешь, тот самый китайский магнат сейчас как раз в Лондоне.

Соврал мне? — Гу Цзэ успокоился и немного подумал: а ведь и правда, исключать такое нельзя.

В последние дни И Яньци и впрямь вел себя странно: не только отвечал гораздо дольше обычного, но и упорно сбрасывал его звонки и видеовызовы. Неужели он всё это время боялся, что вокруг него обнаружится целая толпа болтающих по-иностранному бледнолицых, и те выдадут его местонахождение?

Ах ты ж, три дня не бить — на крышу лезть, да как он смел его обманывать!

Информация точна? Можешь назвать точное место?

На лице Гу Цзэ не было и следа гнева, напротив, в нем проступил азартный настрой, и такая реакция оказалась совершенно неожиданной для Чжао Личуаня.

Что ты задумал?

Хм, — легко усмехнулся Гу Цзэ. — Разумеется, поехать и поймать беглеца.

.

Они пробыли в Лондоне два дня, а оттуда вместе улетели в Японию, чем именно занимались — неизвестно. Удалось лишь узнать, что сегодня они возвращаются в Китай на этом лайнере. Тот самый магнат впервые за много лет вернулся на родину, и многие наперебой стремятся ему угодить. Он принимает всех без разбора и даже выделил в личное распоряжение целый лайнер для приема гостей. Я велел передать твою визитку, и он ее принял.

Гу Цзэ был облачен в кожаную куртку и штаны, на носу красовались солнцезащитные очки, а руки были скрещены на груди, пока он стоял у подножия круизного лайнера. Высокий, с длинными ногами и привлекательным лицом, он выглядел донельзя приметно, стоило ему только замереть на месте, и прохожие то и дело оборачивались, принимая его за какую-то знаменитость.

Длинные пальцы Гу Цзэ легко постукивали по предплечью, а взгляд был прикован к высеченному на борту лайнера названию Вояж. Он пытался успокоиться, но в душе всё равно нарастало беспокойство:

Ты знаешь, как зовут этого магната?

Чжао Личуань задумался:

Его бизнес сосредоточен главным образом за рубежом, а имя, которым он пользуется чаще всего за границей — Виктор.

Гу Цзэ кивнул, мысленно порывшись в памяти, но это имя ему ни о чем не говорило.

Куда больше его волновал стоявший перед ним лайнер.

По сюжету оригинала этот корабль принадлежал главному герою-аггеру. Позже Гу Цзэ довелось подняться на него и сойтись с тем человеком за игорным столом. Исход предсказуем: он проиграл всё до нитки, подвергся жесточайшим унижениям, а в конце его и вовсе выбросили за борт, спустив на воду крошечную шлюпку.

Сейчас еще не время появляться главному герою-аггеру, с какой стати этот лайнер возник

здесь?

Причал номер 108 — веха на пути к непобедимому триумфу главного героя. По первоначальному сюжету И Яньци проиграл торги за этот причал, и соперник, выехав на имени И, позволил неизвестно откуда взявшемуся иностранцу с наполовину зарубежными корнями занять прочное место в деловых кругах города А.

Именно поэтому Гу Цзэ так рвался перехватить инициативу до его выхода на сцену. Рассчитывая на принцип: если один не справится, вдвоем точно одолеем, Гу Цзэ предложил И Яньци партнерство. И надо же было такому случиться, что этот упрямец, неизвестно на что надеясь, заявился на переговоры в одиночку.

Сначала Гу Цзэ подозревал, что тут не обошлось без вмешательства сюжетной силы, но теперь он мог утверждать это практически наверняка.

Лайнер на месте, а значит, с огромной долей вероятности здесь же и главный герой. И надо же какому совпадению случиться: другой главный герой... тоже здесь, черт побери.

Взгляд Гу Цзэ сместился влево: там сейчас стояли сплошь замаскированные очками и масками Шан Жун — вроде бы настоящая звезда, но донельзя простецкая и затерявшаяся в толпе пестрая индюшка, — а рядом с ним Цинь Ся, который неизвестно сколько времени сверлил Гу Цзэ умоляющим взглядом.

Истинно главные герои, их красная нить прочнее арматуры. Первоначальный повод для знакомства с нюхальницей табака он разрушил, зато сам того не ведая, вместо нюхальницы волей-неволей превратился в свата.

Не объяснишь, почему эти двое тоже здесь?

Услышав это, Чжао Личуань даже слегка поморщился:

Шан Жун увязался сам, а испугавшись, что ты его избьешь, притащил с собой живой щит. Оба прилипчивы донельзя, отвязаться я просто не смог.

Чжао Личуань за последние годы достиг совершенства во всём, и если и было что-то, чего он не умел делать, так это отказывать людям. Гу Цзэ прекрасно знал эту его черту и не стал больше ничего говорить:

Ты настрадался, вечно печешься обо мне, скоро станешь моим личным помощником, мне и впрямь пора платить тебе зарплату.

Чжао Личуань улыбнулся:

Ты и так уже дал мне слишком много. Время подходит, пойдём внутрь.

Снаружи лайнер выглядел сдержанно, но внутри поражал предельной роскошью: чем выше поднимались гости, тем ослепительнее становилось богатство. В этом оазисе пьянящих денег, дрейфующем посреди безбрежного океана вне чьих-либо законов, помимо безудержного кутежа неизменно царили плотские страхи и желания.

По пути Гу Цзэ то и дело сталкивался с девушками и парнями в костюмах кроликов, а на возвышении располагалась зона для открытых выступлений. Наверху юноши в едва прикрывающих тела нарядах танцевали зажигательные танцы, отчего Гу Цзэ чувствовал некоторое раздражение.

Местные официанты с первого взгляда казались прошедшими специальный инструктаж по распознаванию лиц — едва взглянув на гостей, они сразу понимали, кого и на какой этаж следует проводить. Стоило Гу Цзэ немного покрутиться вниз, как его тут же узнали и повели на самый верхний уровень.

Добро пожаловать, в бальный зал уже прибыли многие гости, надеемся, сегодня вечером вы прекрасно проведёте время.

Стоявший у дверей швейцар протянул им четыре изысканные маски. Гу Цзэ взял свою, думая про себя, что развлекаются они на широкую ногу, раз устраивают даже маскарад.

Едва успев надеть маску, он почувствовал, как кто-то дернул его за полу пиджака. Оглянувшись, он увидел Цинь Ся. Тот жался к нему, испуганно хлопая большими глазами:

А-Цзэ, можно я буду держаться за тебя? Я не хочу потеряться из виду, мне немного страшно.

Гу Цзэ бросил взгляд на цепкую лапку, вцепившуюся в его одежду, решительно смахнул её и перебросил Цинь Ся на Шан Жуна, бросив без всяких церемоний:

Вот, твоя лучшая подруга, присмотри за ней.

С этими словами он толкнул дверь и шагнул внутрь, а Чжао Личуань с досадой усмехнулся и последовал за ним.

Позади остались ничего не понимающий Шан Жун и потрясенный Цинь Ся.

Слушай, — возмутился Шан Жун. — Какая я ему к черту лучшая подруга? Фамилия Гу, а ну стой! Ты что, насмотрелся на моих фанатов и теперь вечно издеваешься надо мной?!

Верхний этаж поражал своими масштабами, над ним плыла негромкая музыка. Слегка

приглушенные разноцветные блики скользили по лицам гостей, изысканные маски отражали пестрый блеск, и казалось, что каждый нацепил на себя временную человеческую личину и фальшиво улыбается за бокалом вина.

Заметив, что взгляд Гу Цзэ блуждает по лицам присутствующих, Чжао Личуань шагал следом и произнес:

В масках искать тяжело. Может, напишешь И Яньци и напрямую скажешь, что ты здесь? Уж прибыв сюда, он точно не станет отпираться.

И Яньци все эти два дня упорно игнорировал звонки Гу Цзэ, и хотя тот не верил, что тот вздумает нарушить договоренность, злость в нем всё же закипала.

Так неинтересно, — легко усмехнулся Гу Цзэ. — Я должен вытащить его на чистую воду собственными руками.

Примечания автора:

Жду ваши добавления в избранное~

Глава 12. Бал

С этими словами Гу Цзэ зашагал вперед, и Чжао Личуань тут же последовал за ним.

<http://bllate.org/book/25762/3080268>